

Мой ангел

18+

Олег Голиков

Олег Голиков

Мой ангел

«ЛитРес: Самиздат»

2005

Голиков О. В.

Мой ангел / О. В. Голиков — «ЛитРес: Самиздат», 2005

Можно быть настоящим ангелом, но при этом судьба уготовит тебе самый ужасный ад. А когда кажется, что надежды уже нет, она всё же не умирает.

Олег Голиков

Мой ангел

Здравствуйтесь, меня зовут Надя. Надежда. Надежда Николаевна Добролюбова. Надежда – мой компас земной, как любит говорить мой папа Николай Васильевич. Ему очень нравится моё имя и эта старая песня. Подозреваю, что в честь неё меня и назвали.

Родилась я двадцать четыре года назад. Да, у женщин не принято говорить о возрасте, но я считаю, что я ещё не слишком старая, чтобы что-то скрывать. А на момент начала этой истории мне было двадцать два. С половиной.

Родилась я в стандартной семье – таких очень много в нашей стране. Папа у меня работает врачом, отоларингологом. Мама, Людмила Александровна, преподаёт в школе географию. Я единственный ребёнок в семье. Почему это так? Может мои родители не любят детей и посчитали, что одного им вполне достаточно? Нет. В детстве я часто просила маму с папой завести мне братика или сестрёнку, но... Мама тайком вытирала слёзы, а папа мрачнел и переводил разговор куда-нибудь в другое русло. Когда я немного подросла, я перестала задавать такие вопросы, я видела, что родители, а особенно мама, сильно переживают. А потом мама сама рассказала мне всё. Когда она рожала меня, её напичкали какими-то лекарствами. Схватки у неё начались ночью, но видимо акушеры решили, что ночью надо спать, и накололи маму снотворным. Схватки у неё прекратились, а утром выяснилось, что если мама не родит меня сегодня, то, возможно, я никогда не появлюсь на свет Божий. Маме начали колоть какие-то стимуляторы, но схватки так и не начинались. Но она понимала, что ребёнка терять нельзя, она тужилась, и, наконец, при активной помощи акушеров, я родилась. Правда, акушерки немного перестарались, они сломали мне ключицу. Ну, это Бог с ними, как говорит мама, главное, что я жива осталась. Когда папа узнал об этом, он поднял страшный шум в медцинской части. Но бесполезно. Заведующая роддомом дружила с женой председателя исполкома нашего города, поэтому роддом у нас всегда был на хорошем счету. Хотя такие случаи там были не редкость, скорее они вошли в систему. А один раз во время кесарева сечения там вообще зарезали ребёнка, и ничего, всё сошло с рук. Но разговор не об этом, что-то меня не туда потянуло. Ах, да, вот после этого случая у мамы что-то повредилось, и врачи сказали, что больше детей у неё не будет. Родители были в шоке. Папа опять устроил скандал в медсанчасти, но результатом, как сказала мама, стало только то, что начальник поставил крест на папиной карьере. Поэтому он до сих пор у меня простой отоларинголог, а не заведующий отделением, хотя все стремятся попасть на приём именно к нему, потому что он очень хороший специалист.

Родители не сложили руки. Маму лечили, но бесполезно. В то время трудно было это вылечить, может быть сейчас... Нет, сейчас тоже нельзя. Сейчас всё делается за деньги, а где их столько взять, когда родители получают копейки?

Училась в школе я хорошо, отличницей не была, но твёрдой хорошисткой. В аттестате у меня пятёрок в два раза больше чем четвёрок. После школы я поступила в местный университет на экономический факультет. Почему? Модно наверное было. Я сама не знала куда идти, папа советовал идти по его стопам в медицину, но я чувствовала, что это не моё призвание, поэтому и пошла на экономику. Мне повезло. Я хорошо сдала вступительные экзамены и попала в бюджетную группу. Платить за обучение не надо было. А если бы у меня не получилось, учёбу пришлось бы оставить, у родителей просто не было денег платить за меня.

Учёба пролетела быстро. Днём я училась, а вечерами подрабатывала в канцелярии университета. Ксерокопировала документы, печатала различные материалы. Туда меня пристроила мама моей подруги. В общем, худо-бедно справилась. Получила диплом, не красный, конечно, но без троек. Почти.

Ну а потом я принялась искать работу. Впрочем, и искать её не пришлось. Работа сама нашла меня. В университет пришли представители ОАО «Горнефтепродукт» провели собеседование и отобрали трёх человек для работы в этой компании. Мне опять повезло, я оказалась в числе счастливиц. Хотя почему повезло? Просто самые крутые ученики уже давно нашли себе места: в банках, в администрации города, кто-то вообще уехал в столицу, а из тех, кто остался не у дел, я была одной из лучших, поэтому меня и взяли.

Это всё хорошо, скажете вы, а что это ты всё про учёбу, да про работу, а на личном фронте как дела обстояли? Отвечу: никак. Вы не поверите, но до окончания университета у меня не было ни одного мужчины. Не то, чтобы они на меня не обращали внимания. Обращали. Я, конечно, не красавица, но и не уродина. Так, обычная девушка. Но парни, с которыми я была знакома, сразу же пытались затащить меня в постель. Я видела, что я им интересна не как личность, а как предмет сексуального удовлетворения. Во как загнула... Зато сказала, что думаю. Ну и что, скажете вы, многие девушки не обращают на это никакого внимания, они тоже смотрят на парней также. Не знаю, я так не могу. Может у меня воспитание слишком старомодное, но мне хотелось подарить свою девственность тому единственному человеку, с которым я буду делить все радости и невзгоды, а не подвыпившему донжуану, который даже и не поймёт, что произошло. Вот так.

Собственно с этого собеседования по большому счёту и началась эта грустная, но удивительная история.

* * *

ОАО «Горнефтепродукт» было одним из крупнейших предприятий области в плане снабжения этой же области нефтепродуктами: бензином, соляркой, маслами, прочими горюче-смазочными материалами. Собственно говоря, было ещё только одно такое же крупное предприятие – ОАО «Облнефтесервис». Они конкурировали давно и с переменным успехом.

Руководил нашим предприятием олигарх местного масштаба Аркадий Семёнович Поплавский. Что значит олигарх местного масштаба? По моему мнению олигарх это не просто человек, у которого много денег, а тот, который с помощью этих денег идёт во власть. Ставит своих депутатов, мэров, губернаторов, прези... ой, куда это меня занесло? Так вот Аркадий Семёнович с помощью своих денег купил половину депутатов городской думы, да и мэру оказывал солидную поддержку. На область ему денег уже не так хватало, но и там у него была паратройка карманных депутатов. У конкурентов в области было депутатов побольше, а в городе поменьше. В общем, паритет.

Место работы мне определили в финансовом отделе, в налоговой группе. Работа была достаточно интересной. Налоговое планирование, налоговый анализ, поиски легальных путей снижения налогового бремени. Поисками нелегальных занималось высшее руководство, но особо это не афишировало.

Сперва меня посадили на самую простую работу – составление налоговых деклараций. С этим я быстро справлялась, и мне поручали более интересные дела. Работа мне нравилась, зарплата была больше, чем у папы и мамы вместе взятых. Но длилась эта идиллия недолго – всего два месяца.

В один прекрасный день, часа в три дня, а рабочий день у нас был с восьми до пяти, я подготовила декларацию по какому-то налогу, кажется всё-таки НДС, да, НДС, было ведь девятнадцатое число и на следующий день надо было отправлять её в налоговую. С этой декларацией я прошествовала в приёмную, где как обычно тусовалось несколько сотрудников, непринуждённо болтая с секретаршей Эммой Сергеевной, женщиной лет сорока – сорока пяти, которая для своего возраста выглядела очень даже неплохо. Вообще она мне нравилась. С ней всегда можно было поговорить о чём угодно, она всегда выслушает, что-нибудь посоветует, а

самое главное никогда ничего не забывает. Это я уже о работе говорю. У неё никогда не терялись документы, она всегда своевременно возвращала их с подписи, если попросить её о чём-нибудь, можно было с уверенностью сказать, что она это сделает. Золотой человек, золотой работник.

Я подошла к стойке и положила на неё оба экземпляра декларации. Эмма Сергеевна в это время с лёгкой улыбкой выслушивала какой-то весёлый рассказ одного из наших снабженцев. Я дождалась, пока он закончит, не люблю перебивать человека, даже если он говорит не по делу, а потом сказала:

– Эмма Сергеевна, возьмите пожалуйста декларации на подпись Аркадию Семёновичу.

Секретарша взяла отпечатанные листы, посмотрела на них, перевела взгляд на меня, сделала небольшую паузу, как бы что-то обдумывая, а потом произнесла:

– Надюша, ты можешь сама зайти к нему, пусть он тебе подпишет, что ты будешь ждать до завтра? У него всё равно никого нет.

Мне бы дура сказать, что я подожду, время ещё есть, но я кивнула, сгребла декларации обратно и подошла к массивной двери с надписью на бронзовой табличке, гласящей о том, что за ней скрывается генеральный директор ОАО «Горнефтепродукт» Поплавский Аркадий Семёнович. Подойдя к ней, я собралась с духом и открыла себе извилистый путь, на который свернула моя гладкая и ровная доселе жизненная дорога.

До этого я никогда не была в кабинете директора, да и самого его видела только мельком, когда он спеша проходил по коридорам, да ещё один раз, когда у одной нашей сотрудницы был юбилей, и он поздравлял её перед всем коллективом. А так вблизи, как сейчас, я его ещё не видела.

Аркадий Семёнович был полноватым, начинающим лысеть мужчиной среднего роста. Одевался всегда, не то чтобы с шиком, но весьма прилично и аккуратно. В данный момент он сидел за своим столом, изучал какие-то бумаги и курил сигарету. На меня он даже не взглянул, хотя я тихо поздоровалась, когда зашла. Я подошла к его столу и принялась ждать, а чтобы не скучать, принялась рассматривать обстановку в кабинете. Вообще мне понравилось, ничего лишнего и в то же время всего хватает. Стены были обшиты деревом, из-за чего даже при относительно ярком свете ламп в кабинете царил достаточно уютная атмосфера. В углу, около окна, стоял стол Аркадия Семёновича, к нему примыкал стол, за которым во время совещаний сидели его замы, с другой стороны кабинета был большой длинный стол с множеством стульев для проведения каких-либо встреч. В другом углу около окна стояло два кресла, между ними журнальный столик с графином и двумя стаканами, а рядом с ними холодильник. Покончив с обстановкой, я принялась рассматривать стол хозяина. Тоже ничего особенного. В углу прилежал плоский жидкокристаллический монитор, который, по словам Эммы Сергеевны, включался очень редко, ну не любил наш директор компьютеры, слева от него два телефона, один городской, другой внутренний, справа, в пол-оборота, стояли массивные позолоченные часы с выгравированной надписью: «Аркадию Семёновичу с 45-летием от коллектива автотранспортного предприятия». Автотранспортное предприятие было одним из наших основных потребителей, поэтому неудивительно, что именно этот подарок постоянно стоял на столе. Далее располагался дорогой письменный прибор, какие-то папки и бумаги, бумаги, бумаги. Несведущему человеку показалось бы, что они лежат в абсолютном беспорядке, но, опять же по словам Эммы Сергеевны, Аркадий Семёнович в течение секунды безошибочно находил любую из них, которая была в данный момент необходима.

Пауза затянулась. Он видимо не заметил, что я зашла к нему в кабинет. Я уже подумывала о том, как привлечь к себе внимание, может кашлянуть, но это как-то неудобно, всё-таки человек работает. Я уже пожалела, что зашла, а не оставила документы в приёмной, как зазвонил телефон. Городской. Аркадий Семёнович, не глядя, одной рукой взял трубку, другой затушил сигарету в хрустальной пепельнице и буркнул:

– Да... Да, дорогой! Да, как договаривались, жду завтра в семь вечера у себя на даче. Нет, нет не будет. Ха-ха-ха! Нет, не беспокойся, а супругу возьми с собой, пусть поболтает с моей. Хорошо. Ну всё, давай жду.

Он положил трубку, поднял голову и увидел меня. На какую-то долю секунды в его глазах промелькнуло удивление, а потом он спросил:

– Вы по какому вопросу?

– Вот, декларации подписать, – с трудом выдавила я из себя, чувствуя как под тяжёлым начальственным взглядом у меня невольно начинают дрожать коленки.

С этими словами я положила декларации на стол. Аркадий Семёнович взял свою дорогую ручку и начал листать декларации.

– Давно у нас?

– Что? – от волнения я немного охрипла.

– Давно у нас работаете?

– Два месяца.

– Только что институт закончила? – внезапно он перешёл на ты.

– Университет.

– Сейчас все университеты, а раньше были институты, не в названии дело.

Он посмотрел на цифру, которая указывала сколько НДС мы должны заплатить в этом месяце, и тяжело вздохнул.

– Грабёж. Вот скажи мне, раз ты такая умная, почему у нас запретили все взаимозачёты с бюджетами по налогам?

Я прокашлялась и приготовилась нести всякую чушь про инфляцию, стабилизацию денежного обращения, но директор перебил меня, так и не дав начать:

– Потому что государство решило, что у меня и других людей, которые занимаются бизнесом, итак достаточно денег. Что нам вполне хватает дурить друг друга, а государство как бы уже не надо. Да, их можно понять, чиновникам тоже надо жить. Раньше, лет пять назад, я с помощью нехитрых взаимозачётных операций уменьшил бы эту сумму вдвое, а то и втрое, а сейчас эти деньги осядут в карманах столичных чиновников. Что за жизнь!

Он принялся подписывать, но поставив одну подпись, вновь посмотрел на меня, вздохнул и встал из-за стола. Он прошёл сзади меня, подошёл к холодильнику, налил себе что-то в стакан, выпил и пошёл обратно.

Я стояла не оборачиваясь, смотрела в одну точку на столе, рядом с которой весело тикали часы. Поэтому-то я сразу и не поняла, что произошло.

Чьи-то влажные горячие ладони полезли мне под юбку и начали оглаживать мои ягодицы. У меня перехватило дыхание, я резко развернулась и с размаху залепила подлецу пощёчину. Подлецом оказался директор, да и кому ещё им было быть, если кроме нас в кабинете никого не было. Но я в тот момент напрочь утратила способность логически мыслить. Поэтому увидев, как моя длань врежется в несколько одутловатую щёку Аркадия Семёновича, я немного опешила. На директора же оплеуха не произвела никакого впечатления.

– Горячая, молодая, страстная..., – бормотал он, орудуя под моей юбкой.

Я попыталась убрать его руки, но он резко толкнул меня, и я завалилась на стол, где ещё недавно, во время совещания, его замы раскладывали свои документы. С меня слетели мои очки в тонкой оправе, да я ношу очки, я разве об этом не говорила? Так ничего особенного – небольшая близорукость, жить не мешает, но вот вижу без очков плоховато, правда одеваю их только когда читаю или работаю. Да, с меня слетели мои очки, и вот именно в этот момент я поняла, чего он от меня хочет. Мне стало ясно, что шутки закончились, и если не предпринять никаких экстренных мер, то я стану жертвой маньяка-насильника в лице собственного начальника. Поняв всё это, я начала сопротивляться как только могла. Я в неистовстве размахивала кулаками, но не могла достать до него, я дёргала ногами, но он прижал их к столу, и сил у него

было больше. Я страшно ругалась, по крайней мере раньше я таких слов никогда не говорила, а тут... Откуда они только взялись в моём лексиконе?

На все эти выходки маньяк, которому по всей видимости предстояло стать моим первым мужчиной в жизни, не обращал совершенно никакого внимания. Он пытался снять с меня колготки, но я извивалась всем телом так, что мои бёдра ходили ходуном, поэтому он просто разодрал их и принялся за мои трусики. Моё состояние было близко к истерике, я уже не ругалась, я уже только хрипела, сипела и задыхалась, а Аркадий Семёнович похоже знал своё дело. Меня начали душить слёзы, но в этот момент моя правая рука, которая вместе с левой совершала хаотичные движения, наткнулась на что-то тяжёлое. Я попыталась взять этот предмет, но одной рукой это сделать было невозможно. Тогда я немного повернулась, и левая рука пришла на помощь правой. Тяжёлым предметом оказались часы с дарственной надписью. Директор был очень занят моими трусиками, тем более, когда я потянулась за часами, то на несколько секунд прекратила сопротивление, и дело у него пошло веселей. Но меня это уже не волновало. Я напрягла пресс, эх, знать бы, что придётся так делать, я бы больше времени уделяла занятиям спортом, моё туловище, отягощённое массивным подарком, нехотя двинулось вверх, а потом мои руки, резко описав дугу, буквально вонзили позолоченный хронометр в голову насильника. Левая часть головы директора моментально окрасилась в красный цвет. Он сразу прекратил свои труды, пошатнулся и, как мне показалось, недоумённо посмотрел на меня. Я не стала искушать судьбу, мои руки в тот момент опережали мои мысли, они вновь размахнулись и опять ударили в то же место. На сей раз директор не устоял. Он просто рухнул на пол. Упал на правую сторону, а потом завалился вниз на живот. Из его проломленной головы фонтанчиком струилась кровь, так что ковёр на полу быстро пропитался алой жидкостью, и она начала скапливаться на его поверхности в виде лужи. Тут не надо было щупать пульс, делать искусственное дыхание, с первого взгляда было ясно, что Аркадий Семёнович Поплавский отошёл в мир иной. Что ж, может быть ему там будет лучше.

В тот момент, конечно, таких мыслей у меня не было. Не было и облегчения от того, что я смогла избежать насилия над собой. Не было и осознания того, что я сделала, а ведь я убила человека. Не важно какого, пусть покойный и был крутой шишкой, а важно что человека. В тот момент я просто закатилась в истерике. Я сидела на столе, смотрела на свои разорванные колготки, порванную юбку и просто сотрясалась в рыданиях. В рыданиях без слёз. Я не думала ни о чём, я просто смотрела на медленно увеличивавшуюся тёмно-красную лужу под головой директора и рыдала.

Я не знаю, сколько я так просидела, но в какой-то момент дверь в кабинет открылась, и в образовавшуюся щель просунулась голова Эммы Сергеевны.

– Аркадий Семёнович, я жутко извиняюсь, но уже пять часов, если вы не возражаете, я пойду домой, – произнесла она фразу, которой заканчивала свой каждый рабочий день.

В эту секунду она увидела меня, её глаза округлились, и она перевела взгляд на пол.

– Бог мой! Надя, что случилось???!!!

На её истошный вопль быстро сбежались те сотрудники, которые ещё не успели покинуть рабочие места в пользу домашнего очага. Все ахали, кто-то плакал, кто-то, видимо, смотрел на меня, я не знаю, я смотрела только на пол, да на свои коленки в разорванных колготках.

Кто-то из самых хладнокровных вызвал милицию. Наряд приехал быстро, к таким людям они всегда приезжают быстро.

Дальше я всё помню очень смутно. Милиция быстро выдворила всех за дверь, оставив в качестве понятых Эмму Сергеевну и Александра Абрамовича Синегорова, который работал у нас коммерческим директором. Милиционеры, не суетясь, собрали все улики, задавали какие-то вопросы то мне, то понятым. Кто-то надел на меня слетевшие очки, но я даже не обратила на это внимания. Мы что-то отвечали, причём я всё также сидела на столе в разорванных колготках и юбке. М-да, красивое видимо было зрелище.

Потом все куда-то засобирались. Молодой сержант подошёл ко мне, аккуратно взял под локоть и помог спуститься на пол. Он пристегнул мою руку к своей наручниками, и мы направились в машину. Проходить пришлось мимо множества кабинетов, из которых выглядывали испуганно-любопытные лица сотрудников. Все они смотрели на меня, не знаю, что они думали в тот момент, тогда, а честно сказать и сейчас, мне было наплевать на них.

В участке меня оформили по всем правилам, допросили, хотя я не помню, о чём меня спрашивали, а потом тот самый молодой сержант отвёл меня в камеру. В камере сидела только одна женщина. Она посмотрела на меня и широко улыбнулась. В тусклом свете я сумела различить, что во рту у неё явно не тридцать два зуба, а цвета они такого, что её никогда не взяли бы рекламировать зубную пасту.

– Надо же кого мне привели! – воскликнула моя будущая соседка, – молоденькая, а тельце-то какое! Будет кому ублажить старуху.

Она радостно потёрла свои заскорузлые руки.

– Ты это, Марфа, – сказал сержант, – поаккуратней.

– А что я? Что я?

– Она только что человека убила, так что осторожней с ней, нам убийства в отделении не надо.

– Да я ничё, начальник, в натуре, я ж просто прикалываюсь.

– Смотри мне, – сержант погрозил ей пальцем и закрыл за мной дверь.

Я подошла к свободным нарам и села на них. Марфа некоторое время смотрела не меня, видимо хотела завязать разговор, но потом просто завалилась на нары и вскоре захрапела. Не знаю, может мой вид сказал ей, что ко мне лучше не приставать с расспросами, а может они испугались предупреждения сержанта, не знаю. А я так и просидела всю ночь, не вставая и не ложась. Просто сидела. Ни о чём не думала. Состояние близкое к шоку, а может быть и шок. Не знаю.

Утром меня куда-то повели. В комнате, куда меня доставили, сидел какой-то офицер, а также стоял мужчина в форме, но не милицейской (потом я узнала, что это был прокурор), а также маленький лысенький человек, который о чём-то громко говорил. Увидев меня, он на секунду остановился, а потом заговорил с новой силой:

– До чего довели бедную девочку! Кто дал вам право заставлять ночевать её в камере?

– Имеем право, – устало сказал прокурор.

– Имеете! – фыркнул человечек, – вы вон прожжённых уголовников под подписку о невыезде отпускаете, а тут молодая девушка! Надо было сразу сообщить родителям, я бы ещё вчера её отсюда вытащил!

– Сообщили, – вздохнул прокурор.

– Сообщили! – передразнил его оппонент, – в полпервого ночи позвонили. Бедные родители всю ночь потом не спали, хорошо нашли мой телефон, но только утром. А девочке какие страдания пришлось перенести в камере с уголовниками!

– Гражданка Добролюбова, – прокурор оставил без ответа последнюю реплику человечка, – позвольте представить вам вашего адвоката Льва Борисовича Тузнера. Его наняли ваши родители.

– Да, Надежда Николаевна, – опять засуетился человечек, – я уже добился, чтобы сегодня рассмотрели дело о мере вашего пресечения. Я лично считаю, что будет достаточно подписки о невыезде. А вот господин прокурор, видимо другого мнения!

– Оставьте, господин Тузнер, – устало отмахнулся прокурор, видимо мой адвокат уже порядком успел его достать за сегодняшнее утро.

Меня усадили на стул, и я как будто отключилась. Адвокат с прокурором куда-то ушли, а я всё сидела в каком-то полузабытье и лениво смотрела, как офицер заполняет какие-то бумаги. Потом я стала куда-то проваливаться, и видимо заснула.

Очнулась я от торжествующих возгласов своего защитника.

– Ну вот, что я говорил! Судья оказался на моей стороне! Максимум превышение необходимой самообороны, а вы, возможно предумышленное убийство! Какое убийство? Посмотрите на эту девочку! Кто скажет, что она киллер?

Прокурор очень тяжело вздохнул и сказал офицеру:

– Оформляйте подписку о невыезде.

Я просидела в этом кабинете ещё какое-то время, точно сказать не могу сколько, так как совершенно не ориентировалась во времени. Мне дали подписать какие-то бумаги, адвокат при этом бормотал:

– Подписывайте, Надежда Николаевна, подписывайте, не сомневайтесь! Я всё проверил, всё будет хорошо.

Честно говоря, в тот момент мне было всё равно, что подписывать. Я думаю, что если бы за столом вместо милиционера сидел Дьявол и подсовывал мне на подпись контракт о продаже моей души, я не задумываясь подмахнула бы и его. Поэтому я быстро во всём расписалась, и адвокат вытянул меня на улицу. Там он усадил меня в свой автомобиль – какую-то навороченную иномарку – и куда-то помчал меня.

Оказалось что домой. Дома меня ждали родители, мама рыдала, папа молча обнял меня, но, хотя я была очень рада их видеть, мне всё равно было не до них. Я молча отстранила мамины руки и пошла к себе в комнату. Там я, не раздеваясь, рухнула на кровать, где и проспала до следующего утра.

* * *

Не буду вам расписывать, что происходило в следующие две недели. Бесконечные допросы, следственные эксперименты, консультации с адвокатом. Мне очень повезло, что родители наняли Льва Борисовича, он был явно лучшим адвокатом в городе. Откуда они нашли деньги на него? Папа откладывал понемногу ежемесячно на мою свадьбу. Покупал долларов по двадцать-тридцать почти с каждой зарплаты. И так в течение всей моей учёбы. Сейчас у него было больше тысячи «зелёных». Вот их-то он и отдал Льву Борисовичу.

Лев Борисович сразу определил, что речь идёт о превышении необходимой самообороны, да и то, не факт. Изнасилование тоже тяжёлое преступление, поэтому суд может встать на мою сторону и полностью меня оправдать. На этом и строилась наша стратегия. Видя какой оборот принимает дело, я начала понемногу успокаиваться. Дело не в том, что я боялась, что меня посадят, нет. Просто шок, вызванный мыслями о том, что я убила человека, стал постепенно проходить, ведь не зря говорят, что время лечит.

А потом был суд.

В самом его начале прокурор встал и попросил перенести заседание суда в связи с обнаруженными новыми уликами. Судья попросил предоставить их ему. Прокурор передал аудиокассету. Лев Борисович тут же сказал, что ему и обвиняемой тоже необходимо знать, что содержится на этой кассете. Судья согласился.

Мы вчетвером: судья, прокурор, адвокат и я, прошли в какую-то комнату и там включили кассету. То, что я слышала, я запомнила на всю жизнь, каждое слово калёным железом выжигало следы в моём мозгу.

– Алло, – это был мой голос, со стороны он звучит совсем по-другому, какой-то чужой, но я уже знала его, все эти студенческие вечеринки, записываемые на видеокассеты, а потом просматриваемые всей компанией на следующий день, поэтому мой голос, хотя и чужой.

– Надежда Николаевна? – это уже незнакомый мужской, звучащий как-то очень глухо, как будто собеседник держал голову под подушкой.

– Да, это я.

– Говорить можете?

– Могу.

– Вы не забыли о нашей договорённости?

– Нет.

– Значит завтра.

– Да.

– Вы сможете к нему проникнуть?

– Я постараюсь.

– Как? Впрочем это не наша проблема. Запомните, подписание договора не должно состояться, иначе не состоится и наша сделка.

– Я поняла.

– До свидания, удачи.

Раздались короткие гудки.

– Что это? – спросил судья.

– Это запись разговора, состоявшегося за день до гибели гражданина Поплавского, сделанного службой безопасности компании с рабочего телефона подсудимой.

– Понятно, – произнёс судья и задумался.

А я опять была в шоке. Может даже в большем, чем была до этого. Я абсолютно не помнила того, как я это говорила, но говорила, без сомнения, я. Если только какой-то пародист не подделал мой голос.

Видимо та же мысль пришла в голову судье.

– Хорошо, суд отдаст эту запись в независимую экспертизу, если она подтвердит подлинность этой звукозаписи, то рассмотрение дела будет отложено.

Стоит ли говорить, что по поводу подлинности записи у экспертов не возникло никаких сомнений. Это означало, что я явно не в себе, я абсолютно ничего не помнила.

Опять начались бесконечные допросы. Но теперь со мной разговаривали совсем по-другому. Теперь я была не невинной жертвой изнасилования, а жестокой расчётливой киллершей, которая долго водила всех за нос. У Льва Борисовича тоже изменилось отношение ко мне. Он обиделся на меня за то, что я утаила от него этот факт, и на процессе ему пришлось выглядеть идиотом, как он выразился. Они все пытались добиться от меня имени человека, с которым я разговаривала. Подозревали, что он работает в «Облнефтесервисе», но доказательств не было. Выяснилось и то, что на пятницу, то есть на следующий день после убийства у Аркадия Семёновича было запланировано подписание договора на поставку крупной партии ГСМ, видимо это подписание и было невыгодно его конкурентам. А я вспомнила телефонный разговор, который провёл Аркадий Семёнович незадолго до своей кончины в моём присутствии. Всё совпадало, видимо я действительно была не в себе. Психическое расстройство.

Лев Борисович так и сказал, единственный шанс, если меня признают невменяемой. Однако психиатрическая экспертиза подтвердила мою полную нормальность. Не знаю, разве может быть нормальным человек, совершивший убийство, пусть и не по своей воле, и не помнящий того, что с ним было пару недель назад.

В общем так и не добившись от меня никаких вразумительных ответов, дело передали в суд.

На это заседание явилось полгорода. Ещё бы, ведь был убит один из его самых влиятельных граждан. Тут была и скорбящая супруга, выраженная в норковое манто, и мэр, который сидел рядом с ней и постоянно что-то шептал ей на ухо, видимо утешал, и, понятно, все его замы, даже представители конкурентов и то были. Были и мои родители. Они не скрывали слёз. Лев Борисович сказал, что мне грозит срок до двадцати лет. Вы вдумайтесь: до двадцати лет! А мне было двадцать два с половиной. Кошмар! Было от чего плакать, но у меня-то как

раз слёз и не было. Я вообще не проронила ни одной слезинки с того момента, как моя жизнь пошла наперекосяк. Но, стоп, послушаем, что говорилось на процессе.

Вначале всё говорилось о самом преступлении, где лежало тело, где находилась подсудимая, то есть я. Потом перешли к допросу свидетелей. В принципе их было не так уж и много. Главным была Эмма Сергеевна, ведь именно она тогда пустила меня к Аркадию Семёновичу. Прокурор начал расспрашивать её:

– Скажите, пожалуйста, у вас в организации принято заходить с бумагами к директору в кабинет лично, или они передаются через вас?

– Вообще-то передаются через меня, но в экстренных случаях, когда Аркадий Семёнович не занят, вернее был не занят, – она шмыгнула носом, – я разрешала пройти сотрудникам лично.

– В тот день был экстренный случай? – поинтересовался прокурор.

– Не знаю, – Эмма Сергеевна пожала плечами, – там по-моему были какие-то налоги, я в этом не разбираюсь.

– Хорошо, подсудимая намекала вам на то, что ей надо лично попасть к директору, или вы сами предложили ей зайти.

– Я не помню, но если бы было не срочно, вряд ли я сама предложила бы ей.

Вот так-так. Куда же подевалась феноменальная память нашей секретарши? Хотя она, наверное, пережила не меньший эмоциональный стресс, когда увидела тело своего обожаемого начальника лежащим на полу в луже крови. От такой картины у кого хочешь наступит амнезия.

Потом пошли допросы других сотрудников, находившихся в приёмной, когда туда зашла я, но и они мало что дали. Никто в точности не помнил содержания нашего диалога с секретаршей.

Спрашивали и меня о чём-то, но я не могла открыть рот, я буквально онемела, мне не верилось в реальность всего происходящего. Я на скамье подсудимых! Мне грозит двадцать лет! Это трудно было пережить. За меня на вопросы отвечал Лев Борисович, и надо сказать, очень грамотно отвечал. Спасибо ему большое за это.

Главной же уликой выступила та злополучная звукозапись. Именно она позволила обвинению настаивать на трактовке преступления не как превышении необходимой самообороны, а как об убийстве, совершённом группой лиц по предварительному сговору. Прокурор сначала вообще хотел возбудить дело по статье убийство по найму, но так как следствием не было доказано, что я получила какое-то материальное вознаграждение за своё преступление, пришлось довольствоваться убийством по сговору.

У меня хоть мысли и шатались в разброд в моей голове, но я всё равно чувствовала, что что-то здесь не то. Как-то всё слишком притянута за уши. Но у Льва Борисовича не было вопросов, а сама я говорить не могла.

Судебное заседание быстро катилось к концу. Прокурор в своём заключительном слове попросил для меня двадцать лет лишения свободы – максимальный срок по этой статье, не считая пожизненного заключения. Лев Борисович в свою очередь попросил суд обратить внимание на молодость подсудимой, на то что она, то есть я, никогда раньше не привлекалась к уголовной ответственности. Он положил на стол перед судьёй кипу характеристик и отзывов обо мне из университета, школы, хорошо ещё, что из детского сада не принёс. Он долго расписывал, что я очень хороший человек и не заслуживаю такого страшного наказания. Однако, похоже, он сам в это не верил.

Суд удалился для вынесения решения, но никто в зале не расходился. Все ждали, и ждать пришлось не долго. Судья вернулся, все встали, он вынес решение. Принимая во внимание молодость подсудимой и то, что она в первый раз привлекается к уголовной ответственности, но учитывая тот факт, что подсудимая чистосердечно не раскаялась, и не помогла следствию,

выдав своих сообщников, восемнадцать лет лишения свободы с отбыванием в колонии обычного режима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.